

Личность и «КОСМОС» в поэзии Григория Богослова

К. А. МАКСИМОВИЧ

Статья знакомит с поэтическим творчеством одного из виднейших отцов христианской Церкви и, возможно, самого плодовитого поэта своего времени — свт. Григория Богослова. Рассматривается центральный мотив его лирики — противопоставление мира («космоса») и личности. В статье делается вывод, что Григорий частично воспринял античные представления о личности как «маске», «личине», однако центральным мотивом в лирике Григория является взгляд на личность как на непостижимую загадку. Также предпринимается попытка поставить новый, христианский взгляд на личность в концептуальную связь с троичным богословием свт. Григория.

В последние годы отраднo наблюдать пробуждение в нашей стране исследовательского и переводческого интереса к поэтическому наследию свт. Григория Богослова. В самом деле, очень трудные для понимания стихи Святителя, написанные античными размерами и очень архаичным поэтическим языком, хотя и были переведены еще в XIX в., однако перевод был сделан в прозе и, по понятным причинам, не вызвал заметного интереса. В самом деле, переводить стихи прозой — пожалуй, самое неблагодарное занятие для переводчика. Представим себе прозаическое изложение поэм Гомера или, например, «Евгения Онегина» и зададимся риторическим вопросом — кто *это* будет читать? В недавних выпусках «Богословского вестника» Московской духовной академии и семинарии предпринята похвальная попытка сделать стихи свт. Григория доступными русскому читателю в стихотворном переводе размерами подлинника¹. Надеясь, что и наша статья продолжит это замечательное начинание и внесет вклад в изучение поэтического наследия Святителя в нашей стране.

Свт. Григорий Богослов (ок. 329 — ок. 390 гг.), епископ Назианза в Каппадокии, виднейший учитель Церкви и проповедник, несколько менее известен в качестве поэта. Между тем, по отзыву У. фон Виламовица, это «самый плодовитый и замечательный поэт своей эпохи»². Действительно, общий объем написанных им стихотворных строк приближается к 19 тысячам. Однако не это делает историю раннехристианской (а в определенной степени и всей европейской) лите-

¹ Зуевский А, *свящ.* О поэзии свт. Григория Богослова // Богословский вестник. 2004. № 4. С. 69–90. Генке В. Н. Свт. Григорий Богослов. Избранные стихотворения // Богословский вестник. 2008–2009. № 8–9. С. 17–67.

² Von Wilamowitz-Möllendorf U. Die griechische Litteratur des Altertums // Die griechische und lateinische Litteratur und Sprache. Leipzig; B., 1912. S. 294.

ратуры неполной без его имени: во многом поэзия Григория Богослова непосредственно предвосхищает «Исповедь» блж. Августина и опосредованно — всю позднейшую традицию исповедальной литературы (Данте, Абельяр, Петрарка, Руссо, Паскаль, Толстой и др.)³. В настоящей работе рассмотрены некоторые наиболее характерные для свт. Григория и его эпохи пути приближения к философской проблеме взаимоотношений мира и личности.

Важнейший элемент лирики свт. Григория — напряженный диалог с самим собой, построенный в вопросоответной форме.

Кем я родился? И кто я теперь? Чем стану я вскоре?⁴

— таковы вопросы, открывающие небольшую поэму «О малоценности внешнего человека»⁵.

Есмь. Но что это — «есмь»? Я, прежний, исчез невовратно.
Ныне — иной, и другим буду, коль быть суждено.
В общем потоке я — только струя...

(«О человеческой природе» 25–27. Col. 757).

Сущность «я» постигается посредством самоанализа, с одной стороны, и ориентацией «я» по отношению к внешнему миру, с другой. Прежде всего «я» отделяет себя от мира, даже зовет его на тяжбу за то, что тот кружит его, словно муравья («Разговор с миром» 1. Col. 752). Ощущение космического вихря, колеса, потока изменчивости, влекущего человека, переживается чрезвычайно болезненно⁶. Параллельно разворачивается тема двойственности человеческой природы:

... Но и сам я
Создан рукою Христа, разных единство стихий —
Горних и дольних. Ведь тело мое из праха возникло,
Дух в эту косную плоть Разум великий вдохнул.
(«О тленности человеческой природы» 5–8. Col. 754)

Антитеза «духа» и «плоти» пронизывает многие стихотворения:

... Как ты, душа,
Сопряжена с веществом, с плотью разум и с тяжестью легкость?
Ведь неустанно они борются между собой.

(«О человеческой природе» 66–68. Col. 760).

³ Von Christ W. Geschichte der griechischen Litteratur. München, 1924. Т. 2. Н. 2. S. 1419; Cantarella R. Poeti bizantini. Milano, 1948. Vol. 3. P. 55; Misch G. Geschichte der Biographie. Leipzig; B., 1907. Bd. 1. S. 344, 402.

⁴ Здесь и далее фрагменты из стихотворений свт. Григория приводятся нами в собственном переводе с греческого размером подлинника.

⁵ PG 37. Col. 766. Далее все ссылки на тексты свт. Григория даются по этому изданию.

⁶ «О тленности человеческой природы» 1–4. Col. 753; «О путях жизни» 25. Col. 780; «О человеческой жизни» 1. Col. 787 и др.

Вражда духа и плоти сравнивается с извечной борьбой воды и огня:

Двойственным вижу себя. Мое тело из праха возникло —
Вот и влечется оно долу, к любимой земле.
Бога дыханье — душа — восприемлет вечную жажду
Лучшей доли, стремясь выше небес воспарить.
Так ключевая вода вниз бежит, а горячее пламя
Знает одну лишь тропу верную: прыгает ввысь.
(«О малоценности внешнего человека» 150–156. Col. 777)

Представление о всеобщем потоке становления, текучести и тленности материи известно еще из античности — недаром у Григория встречаются прямые аллюзии на Гераклита⁷. Однако для античного сознания космос в целом все же является непреходящей ценностью, как и человек, стремящийся к гармонии с ним⁸. Свт. Григорий, напротив, отрицается от мира как такового, в его космической цельности:

Снова зима, вновь лето, весной сменяется осень⁹,
Жизнь мою ночи и дни светом и тенью двоят.
Небо, земля, океан — ничто мне больше не ново —
Прочно стоит ли оно, или мятется, как вихрь.
Все мне постыло. О, даруй мне жизнь иную и новый
Космос — за них я готов все до конца претерпеть¹⁰.
(«О малоценности внешнего человека» 125–130. Col. 775)

Отвергая античный космос, Григорий неизбежно приходит к отказу от немислимой без этого космоса пластической личности-личины¹¹.

Сверху на мне иное лицо, рукотворное — если
Сорвано будет, увь! — страшно смотреть на себя...

⁷ «О человеческой природе» 31. Col. 758; «О человеческой жизни» 16. Col. 787.

⁸ См.: Лосев А. Ф. История античной эстетики: Ранняя классика. М., 1963. С. 39–40; Он же. История античной эстетики: Софисты. Сократ. Платон. М., 1969. С. 48.

⁹ В этом месте нельзя не вспомнить строфу бессмертной оды Горация:

Frigora mitescunt zephyris, ver proterit aestas
Interitura, simul
Pomifer autumnus fruges effuderit et mox
Bruma recurrit iners.

Здесь у Горация предвосхищается та самая идея «бренности», текучести мира, которая впоследствии будет характерна и для свт. Григория. Однако для Горация мимолетность всего земного — это повод ценить мир и спешить наслаждаться его красотой. Григорий делает из этой идеи совсем иные, аскетические выводы.

¹⁰ См. слова прп. Иоанна Лествичника: «Отречение от мира есть произвольная ненависть к веществу, похваляемому мирскими, и отвержение естества для получения тех благ, которые превыше естества» (Лествица I. 4).

¹¹ Об античном истолковании человеческой личности как маски см.: Аверинцев С. С. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность» // Типология и взаимосвязь литератур древнего мира. М., 1971. С. 217, 257 (прим. 30).

И вновь самоанализ, начало которого — особого рода вопросы к самому себе:

Кто я? Откуда пришел в это мир? Укрытый землею,
Кем окажусь я, восстав вновь из могилы моей?

(«О путях жизни» 1–2. Col. 778)

Кем я родился? Кто ныне? Чем буду? Не знаю наверно.
Да и умнейший меня знает едва ли о том.

(«О человеческой природе» 17–18. Col. 757).

Напряженность мысли и эмоции, отраженная в метафоре «я сидел, грызя свой дух» (θυζόν εἶδων — «О человеческой природе» 2), порой побуждает усомниться (может быть, несколько риторически) в незыблемых истинах христианской веры:

Если ты с неба, душа, какова, от кого ты? Поведай!
Если божественный Дух дал тебя смертным в удел,
Как ты сама полагаешь — исправься, тогда я поверю...

Если же ты не с небес, какова твоя сущность? Постыдно
Было бы гордостью мне преисполняться пустой.

(«О человеческой природе» 75–77, 85–86. Col. 761, 762)

Пронизывающий стихотворения свт. Григория внутренний диалог с самим собой (*soliloquium*) продолжает раннеантичную традицию психагогии исповедального типа, восходящую к пифагорейской практике вечернего отчета перед самим собой¹². Эта традиция «исправления нрава», усвоенная впоследствии стоиками (Эпиктет, Марк Аврелий), оказала огромное влияние на позднеантичную философию. Однако в античности *soliloquium* не стал отдельным жанром и не получил сколько-нибудь совершенного литературного выражения¹³. Произошло это, на наш взгляд, потому, что *soliloquium* предполагает безусловный приоритет данного «я» перед внешним ему миром, а значит, и отрешение «я» от этого мира. Такой комплекс, подготовленный пифагорейством и платонизмом, со всей определенностью оформляется в христианстве, которое исходит из ветхозаветного представления о личном Боге, т. е. божественной Личности.

¹² Ср. псевдо-пифагоровы «Золотые стихи»:

Сну не дай низойти на свои усталые очи,
Каждое за день свершенное дело пока не рассмотришь:
«В чем преступил я? Что сделал? Какой мною долг не исполнен?»
С этого ты, начав, разбирай по порядку. И следом
Кайся в дурных деяньях своих или радуйся добрым.

(Цит. по: Унт Я. «Размышления» как литературный и философский памятник // Марк Аврелий Антонин. Размышления / А. К. Гаврилов, пер., Я. Унт, комм. Л., 1985. С. 100).

¹³ Это касается и высшего достижения стоической культуры самоанализа — «Размышлений» Марка Аврелия (*Misch. Op. cit. S. 265; Унт. Цит. соч. С. 97*).

Представляется далеко не случайным, что Григорий Богослов, создавший образцы интимнейшей личностной лирики, всю жизнь трудился над обоснованием догмата о непостижимой личности Троицы¹⁴. Именно личность (ипостась, persona) была поставлена в христианском богословии его эпохи как главная проблема вероучения. Подобно тому как в своих «Таинственных песнопениях» он теряется в противоречивых предикатах Божества¹⁵, он и личное «я» воспринимает как неразрешимую загадку, противоречие выше всякого разума. Осознание параллелизма между личностью человеческой и Личностью божественной характерно для христианского вероучения, начиная с откровений апостола Павла¹⁶. По этой причине догматическая рефлексия о природе Святой Троицы и психологический анализ собственной личности в творчестве Григория Богослова неразделимы, а противопоставление себя внешнему миру вполне коррелирует с надмирностью и внемирностью трех Лиц Божества.

Подобный подход к человеку остался чуждым античному космическому объективизму (дающему о себе знать даже у стоиков, которые разработали наиболее законченный идеал самоценной личности, но так и не противопоставили ее миру), а soliloquium так и не оформился в самостоятельный жанр, близкий к жанрам парэнезы и диатрибы¹⁷. При всех тончайших интуициях античной поэзии и философии в них не только не решена, но даже не поставлена проблема «я» как индивидуально-личностной загадки, ибо человек воспринимался как данность и нуждался в чем-угодно — в красоте, уме, доблести — но только не в объяснении¹⁸.

В поэзии Григория Богослова разрушается пластический идеал «квадратной», самодовлеющей античной личности¹⁹ и впервые как факт богословия и, одновременно, высокой поэзии закладывается новая традиция спиритуалистической рефлексии над загадкой нового «я»²⁰. Именно эта традиция, классическим образцом которой стала «Исповедь» блж. Августина, определяет своим воздействием личностный пафос и психологизм позднейшей европейской литературы.

Ключевые слова: личность, мир, «я», «диалог с самим собой» (soliloquium), Григорий Богослов, ранневизантийская поэзия.

¹⁴ См.: Флоровский Г. В. Восточные отцы IV века. Париж, 1931. С. 107.

¹⁵ Аверинцев С. С. Литература // Культура Византии. IV — 1-я пол. VII в. М., 1984. С. 305.

¹⁶ См.: 1 Кор 2. 11: «Кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия». См. также: *Misch*. Op. cit. S. 397. Взгляд на личность человека как на образ persona divina присущ всему христианскому Средневековью, см.: Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 306.

¹⁷ *Уит*. Цит. соч. С. 101–102, 110.

¹⁸ См.: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 181: «(по Платону,) самостоятельным называется то, что ни в чем не нуждается для своего объяснения, например, человек, лошадь и другие животные — ничто из этого не требует объяснения».

¹⁹ См.: Лосев. Цит. соч. С. 309.

²⁰ См.: *Cantarella*. Op. cit. P. 61; подробно: *Misch*. Op. cit. S. 395–396, 401.

PERSON AND THE WORLD IN POETICAL WORKS
OF ST GREGORY THE THEOLOGIAN

К. МАКСИМОВИЧ

(Institute of Russian language, Russian Academy of Sciences; St Tikhon's University)

The article introduces into some substantial topics of poetical works of St. Gregory the Theologian — one of the most eminent Fathers of the Christian Church and perhaps the most fruitful poet of his time. Author studies the central motive of St. Gregory's poetical inspiration — namely, the confrontation between the world (cosmos) and a human person. As a result of the study the conclusion is made, that St. Gregory was surely aware of the antique concept of a human person as a mask (persona), but he definitely rejected this image to adopt a quite new idea of person as an enigma and a mystery. It seems that this specially Christian view of human person stood in tight connection with the theological approaches of St. Gregory to the mysterious entity and unity of Persons in the Holy Trinity.

Keywords: person, world, soliloquium, St. Gregory the Theologian, early byzantine poetry.